

детектив-событие

Валерия Лема#

Душитель со 120 страницы

Валерия Леман
Душитель со 120 страницы
Серия «Детектив-событие»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6351270
Леман Валерия Душитель со 120-й страницы: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68481-6

Аннотация

Соня Дижон, великая любовь Алена Муар-Петрухина, выходит замуж в солнечной Софии. Этого допустить нельзя! Ален срочно вылетает в Болгарию, чтобы помешать свадьбе...

Умнице Пенке всю жизнь не везет в любви. Выплеснуть нереализованные желания помогает сочинение детективных романов. Однажды она пишет книгу, где душит одного за другим неприятных ей мужчин. И почти сразу же сцены из романа становятся жестокой реальностью...

Разгадывание очередной тайны для Алена Муар-Петрухина – словно чтение волнующей книги в стиле фэнтези: трупы вампиров, персонажи, будто бы сошедшие со страниц рукописи, которую еще никто не мог прочитать. Но если хорошенько подумать, все тайное станет простым и ясным...

Наши мечты рано или поздно материализуются. Иногда, даже в шутку, можно пожелать неприятному человеку мыслимые и немыслимые кары, а наутро обнаружить, что с ним случилось нечто ужасное. Осторожно: мечты сбываются!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерия Леман

Душитель со 120-й страницы

Глава 1

Променад в «Садах»

«Туши свет, бросай гранату» – именно эта присказка упорно вертелась у меня в голове в тот вечер, который официально носил помпезное название «Светские прогулки в «Садах Семирамиды». Хотите – верьте, хотите – нет, но я пусть и самоотверженно тружусь в отцовской косметической фирме с названием «Сады Семирамиды», а терпеть ненавижу все эти светские тусовки, на которых нужно улыбаться направо и налево, искрометно шутить, широким жестом раздаривать элитным гостям «садовскую» элитную косметику и усиленно делать вид, что у тебя все, как всегда: просто отлично, полный порядок, прошу любить и завидовать.

Эта «светская прогулка» проходила в субботу, двадцать девятого июня, в центральном офисе московского филиала парижской фирмы; филиалу исполнилось ровно три года, и успехи были налицо: «Сады Семирамиды» пользовались в Москве, как и в России в целом, любовью и уважением, регулярно добавляя на счета фирмы кругленькую сумму чистой прибыли.

...– А сейчас я хочу пригласить на наш подиум моего дорогого сына, который внес весомый вклад в успешное распространение продукции нашей фирмы по всей России. Именно он, Ален Муар-Петрухин, создал сайт «Садов Семирамиды» – удивительный мир, где каждый посетитель может...

Не думайте, что, услышав эти слова, произнесенные приятным баритоном на французском языке, сопровождаемые монотонно-бубнящим переводом на русский, я расплылся в польщенной улыбке. О, нет! Я с самого начала почти панически боялся именно этого момента, всячески пытаюсь его избежать. Вы не поверите, сколько сил и энергии было потрачено, чтобы попытаться переубедить отца, парижанина Жюля Муара, не упоминать о моей заслуге в открытии сайта или, по крайней мере, не вызывать меня на «мини-подиум».

Бесполезное дело – в отличие от русской мамы, с раннего детства воспитывавшей и меня, и младшую сестру Ольгу в духе скромности и невыпендренности, Жюль Муар – в своем роде великий актер, беззаветно влюбленный в самого себя, из тех, кто, просыпаясь шлет, себе самому воздушный поцелуй, а засыпая, гладит себя по головке, при том при всем полагая Жюля Муара образцом отчаянной скромности. Наверное, потому мы с Ольгой, еще будучи детьми, дали ему подпольную кличку Старый Лис.

– ...Ален, дорогой мой, поднимайся сюда, я хочу показать тебя миру!

Эта фраза отца, произнесенная одновременно с элегантным жестом в мою сторону, вызвала дружеский смех и волну аплодисментов в зале, так что мне только и оставалось, поддерживая игру отца, ослепительно улыбнуться всеми тридцатью двумя зубами и не шагнуть – взлететь на подиум, приветственно взмахнув обеими руками.

– Добрый вечер, добрый вечер, дорогие друзья! Надеюсь, никто не против, что я говорю по-русски?

Хохот в ответ и где-то на втором плане – монотонный голос совершенно незнакомого мне очкарика-переводчика, доносящего отцу смысл моей реплики, после чего Старый Лис очаровательно рассмеялся, покровительственно-дружески похлопав меня по плечу.

– Ален никогда не был большим энтузиастом семейного дела в отличие от моей дочери Ольги, – проговорил он задушевым тоном, улыбаясь мне и едва ли не смахивая сентиментальную слезу с глаз. – Тем приятнее его вклад! Ведь я, как и любой другой отец, мечтаю, чтобы мое дело продолжил сын, наследник... Ну а теперь я приглашаю сюда Ольгу – Ольга, дитя мое, поднимайся к нам!

Он в очередной раз взмахнул рукой, умиленно улыбаясь Ольге, которая стояла в кружке длинноногих подруг, с усмешкой слушая похвалы в адрес братца-ленивца – именно так по большей части она меня называет. В ответ на жест отца она победно улыбнулась, отставила в сторону недопитый бокал шампанского и походкой от бедра поднялась на подиум, грациозно чмокнув в щеку отца, ну, и меня – за компанию.

– Не скажу, что я настолько уж в восторге от вклада братца, – с интересной хрипотцой произнесла она, обольстительно улыбаясь публике. – Подозреваю, что этот сайт он открыл и неплохо оформил, когда ему попросту наскучило глушить кофе и разгадывать различные головоломки. Но, как говорится, – тут она особенно ослепительно улыбнулась, – с паршивой овцы – хоть шерсти клок!

Разумеется, тут весь зал расхохотался особенно весело и непринужденно, неприятный переводчик почти радостно забубнил, переводя отцу остроту насчет меня, «паршивой овцы», после чего Старый Лис на пару с Ольгой дружески ущипнули меня за щеку – каждый со своей стороны. После этого наше место на подиуме заняла одна из модных певичек, коих отец пригласил целый батальон, а мы спустились в зал.

Кстати сказать, спустились мы очень кстати: именно в этот момент двери зала широко распахнулись, впустив пару, при виде которой все дружно ахнули, а отец с Ольгой, закусив удила, рванули навстречу с распростертыми объятиями.

– О-о-о, какой сюрприз! Очарован, польщен вашим визитом! Шампанского? Мартини? Прошу вас, почувствуйте себя как дома...

Надо сказать, про «сюрприз» отец мог бы и промолчать – я лично был свидетелем того, как, «случайно» повстречав в ресторане, он едва ли не целый час уламывал знаменитого не только в России-матушке, но и по всему цивилизованному миру миллионера Славу Ершова быть его дорогим гостем на вечеринке.

Сам Слава никуда идти не желал, да ко всему прочему слабо ориентировался в английском языке, на котором и пытался заманить его Старый Лис. Ситуацию спасла Славина супруга – афроамериканка Патти Мусс, звезда мирового джаза с потрясающим голосом. Именно она в самый отчаянный момент, когда отец готов был уже разрыдаться от досады, произнесла с интереснейшим акцентом: «Славик, а я хочу потусоваться!»

После этой фразы, подтверждающей давние светские сплетни о том, что Патти, дабы удержать российского мужа-миллионера, ежедневно берет уроки русского языка, Слава коротко бросил: «Будем!» – и ускакал прочь, крепче уцепив свою шоколадку Патти за лапку.

И вот эта знаменитая пара осчастливила своим визитом нашу скромную вечеринку. Все взгляды были жадно устремлены в их сторону, все шептались только о них, о наряде Патти и, разумеется, о сверкающем бриллианте на ее роскошном бюсте.

Я воспользовался моментом и сразу же направился к буфетной стойке и организовал себе бокал мохито. Наблюдая со стороны за толчеей вокруг знаменитых гостей, я вдруг понял, что конкретно напрягает меня в общей картинке с самого начала: переводчик отца, которого лично я видел первый раз в своей жизни.

Дело в том, что у Старого Лиса имеется свой, кадровый переводчик при московском филиале – Андрей Лисовский, с которым мы прекрасно сдружились, будучи оба ярыми поклонниками отменной кухни и доброго ароматного кофе. И вот ни с того ни с сего его

место занял некий субчик в очках, с унылой физиономией. Интересно, откуда он взялся и с чего это вдруг заменяет Андрея?..

– ...Видел?! Роскошный камешек. Это и есть знаменитый бриллиант с потрясающей историей – «Слеза небес»!

Признаюсь, от этого голоса, внезапно прозвучавшего у меня за спиной, я реально вздрогнул – и вовсе не из-за «Слезы небес» и не из-за того, что знаменитый камешек ценой в миллион баксов победно сверкал на шоколадном бюсте Патти Мусс. Я вздрогнул, потому как эту банальную фразу с придыханием произнесла лучшая девушка на свете, несчастная любовь всей моей жизни – Соня Дижон.

Глава 2

Лучшая девушка на свете

Наша с Соней история проста и коротка, а я готов вспоминать и рассказывать ее вновь и вновь, без счета и устали. Когда-то, в дни нашей юности беспечной, мы оба учились во ВГИКе – Всероссийском государственном институте кинематографии. Я обучался на актерском факультете (который через год успешно бросил), Соня – на художественном. Мы встретились случайно, в минуты большой перемены, и, как говорится в подобных случаях, с первого взгляда навеки полюбили друг друга.

Только представьте себе: вы стоите в полутемном коридоре, а вам навстречу танцующей походкой идет тонкая и звонкая дева с блестящими черными волосами, с потрясающими синими глазами под тонкими дугами бровей...

Как знать, не сглупи я тогда по своей юношеской самоуверенности, и мы были бы давно счастливыми супругами, особенно учитывая то, что оба являемся полукровками, с самого сопливого детства с одинаковой легкостью думая и болтая на двух языках – русском и французском: мой папа, как уже упоминалось, француз, Сонин – швейцарец из кантона Женевы.

Повторюсь, я ужасно сглупил: однажды попытался убедить Соню вкусить благо нашей юношеской свободы. Разумеется, при том при всем я имел в виду прежде всего самого себя, не нагулявшего со всеми красавицами мира – дескать, нагуляемся от души, а уж после и обручимся на веки вечные законным браком.

Увы, умница Соня, пусть по первости и наплакавшись, приняла мои слова за прямую инструкцию и стала отчаянно изменять мне со всеми красавцами, что встречались ей на жизненном пути. Поверьте мне на слово: не прошло и месяца, как плакать и умолять о любви да верности начал я.

И вот с тех самых пор я – одинокий волк, лишь издали наблюдающий за красавицей Соней, влюбляющейся то в одного, то в другого счастливца. Когда ее ветреное сердце пресытится легкомысленными связями и обратится в мою сторону – одному богу известно. Мне остается лишь одно – ждать. И я жду.

Ждал я, кстати сказать, и на этой вечеринке. Известное дело: Ольга с Соней – великие подруги, и, само собой, Соня была в числе приглашенных. Вот я и нарезал круги в толпе звездного гламура, надеясь повстречать знакомый тонкий силуэт, узкое лицо с синими, как небо, глазами, удлинненными к вискам, с удивительной улыбкой...

Все было напрасно! Вечеринка в самом разгаре, а Соня все не появлялась. Только теперь я понял, почему: конечно, наша светская львица Соня Дижон была в курсе того, что на вечеринке ожидается явление Славы & Патти. Вот она и сторожила их приезд, явившись в хвосте свиты.

- Потрясающий камушек! – Соня алыми губами ловила воздух, словно задыхаясь от восторга. – Да и сам Слава недурен. Взгляни-ка на его плечики! Ей-богу, очень даже ничего.
- Да уж: что камушек, что Слава – оба камушки, только Слава – из пород попроще.
- Ах, мы пытаемся острить!
- Ах, мы пытаемся хамить!
- Мы не хамим, мы просто оцениваем...
- ...плечики Славы.
- Но ведь хорош парень, признай это!

При последней фразе-выдохе глаза Сони так дивно заблестели, что мне впору было заскрежетать зубами. Ну, вот, следующая наша цель – Слава Ершов. Ясное дело, что в его тени скромный менеджер по рекламе косметической фирмы «Сады Семирамиды» Ален Муар-Петрухин – просто жалкий пенек, только и умеющий расхваливать шампуни, гели да парфюмы родной фирмы.

Я вздохнул.

– Здравствуй, Соня.

Она не сразу поняла смысл моей реплики, мимолетно нахмурившись, при том ни на секунду не отрывая взгляда от направления Патти – Слава.

– Ты это к чему? А-а-а... – Она только хмыкнула и махнула ручкой. – Все понятно: я забыла тебя поприветствовать. Но, мой милый Ален, мне кажется, мы с тобою ни на мгновение не расстанемся.

Признаться, последнюю фразу она произнесла таким голосом – с ноткой еле уловимой ностальгической грусти, – что это в одно мгновение подняло мне настроение, заставив многозначительно приподнять бровь.

– Правда? То бишь засыпаем вместе и вместе просыпаемся...

– ...и во сне бродим, взявшись за руки!

Соня завершила мою фразу и на мгновение отвлеклась от знаменитой пары, обернувшись ко мне, одарив меня теплой улыбкой, словно и на самом деле мы с ней были навеки неразлучны.

Каюсь, я тут же расплылся в блаженно-идиотской улыбке.

– Что ж, приятно это слышать. Я бы даже осмелился пригласить тебя на танец. Слышишь дивную музыку? Это знаменитый оркестр Павла Скоблика, заскочивший на историческую родину с гастрольного маршрута по миру; отец оплатил его божественную игру небожеской ценой, так что предлагаю тебе воспользоваться оказией, сделав тур волшебного вальса...

Я еще договаривал свою фразу, а по внезапно изменившемуся выражению лица Сони понял: тура не будет. Обернувшись ко мне с теплой, дружеской улыбкой, Соня вдруг наткнулась на кого-то взглядом, и эта «кочка» весьма ее заинтересовала. Разумеется, я тоже оглянулся.

За моей спиной, среди оживленно болтающей, пьющей шампанское и флиртующей богемы стоял, небрежно засунув руки в карманы брюк роскошного костюма от Версаче, красавец с внешностью Антонио Бандераса, известный гораздо больше последнего благодаря сумасшедшим бабкам, что он спускал направо и налево на тусовках мира, а последние полгода – в ночных заведениях Москвы.

Миша Альмасли – как и мы, полукровка, с отцом-арабом из шейхов-миллионеров Арабских Эмиратов и русской мамой, оставившей наш бренный мир еще в годы розового детства сыночка, – именно он фотогенично скалился, пытаясь привлечь к себе внимание красавицы Сони.

По всему выходило, что наглецу это удалось.

Дальше все развивалось по классическому сценарию. Пританцовывающей походочкой Миша приблизился к нам, не вынимая рук из карманов, кивнул, широко оскалившись своими лошадиными зубками.

– Привет, друзья! Я очень рад знакомиться: Мыша, русский имя, русский мам, очень приятно! Мыша тусоваться в Москва так давно, но первый раз Мыша видеть такой красавица, хабиби!

Произносил он эту потрясающую фразочку с потрясающим акцентом, лениво-пресыщенным тоном, улыбаясь вроде бы нам обоим, но при всем при том глаз не спуская с Сони,

которая ответила арабчонку не менее ослепительной улыбкой и столь же ленивым голосом с интересной хрипотцой:

– Лично мне тоже приятно познакомиться. Полагаю, хабиби – это я?

И они оба усмехнулись с одинаково пресыщенным видом, абсолютно довольные миром и друг другом. Мне же после такого вступления только и оставалось, что беззвучно слинять, не привлекая к себе излишнего внимания. Впрочем, с таким же успехом я мог уйти, с грохотом топая ботинками или яростно матерясь – эти двое меня в любом случае не заметили бы, настолько были поглощены друг другом.

Я огляделся. Как выражается Ольга, вечеринка удалась: вокруг мелькали знаменитые лица, а сам воздух, казалось, вибрировал от голосов и смеха.

Богема расслаблялась, оттягиваясь по полной программе. На подиуме к тому времени пела очередная звездочка, Патти Мусс в окружении восторженных поклонников грациозно подписывала заранее заготовленные листочки со своей самой удачной фотографией, а ее славный Слава, удобно устроившись перед стойкой, бутылками глушил шампанское, два ящика которого затащили за ними бойкие ребята. Мне только и оставалось, что устроиться с ним по соседству, угостив самого себя очередным бокальчиком мохито.

Слава тут же развернулся ко мне, презрительно оттопырив губу на мою зелень в бокале.

– Что ты там пьешь муру какую-то? – не спрашивая разрешения, он придвинул к себе пустой фужер и щедрой рукой плеснул своего шампанского. – Вот это – штука! «Кристель», обалденная шампань. Слыхал – Фредди Меркури презентовал пару ящичков такого же пойла Монсеррат Кабалье. А вот я угощаю тебя. Пей на здоровье!

Мне только и оставалось чокнуться с ним и сделать глоток, тут же восхищенно закатив глаза.

– Штука?! – торжествующе хмыкнул Слава. – А я что говорил!

Я старательно допил свою порцию и, наблюдая, как Слава по новой наливает мне свое угощение, сделал пару комплиментов его безупречному вкусу и по части горячительных напитков, и по части украшений для знаменитой женушки.

При первом же упоминании Патти и камушка на ее груди Слава дернул головкой, как конь, на которого накинули узду.

– Чертова Патька! – он крякнул и залпом выдул очередную порцию шампани. – Достала меня этой «слезой». Пришлось купить. Чего не сделаешь ради любимой бабы?

Любимая баба в это время поднялась на сцену и без аккомпанемента, легко и виртуозно исполнила знаменитую песню Армстронга «Let my people go», вызвав целый шквал восторженных аплодисментов охмелевшей публики.

– Как поет, чертовка! – тряхнул головой Слава и обновил свой бокал, к счастью, на этот раз позабыв угостить меня. – За что я ее и полюбил. Только вот камушек этот мне не по нутру. Слыхал, что про него говорят? Всякую чертовщину он приносит. Говорят, уйма народу из-за этой «Слезы небес» на тот свет отправилась. Вроде даже какой-то король окочурился. Патька мне всю эту историю целый вечер докладывала, да только я историю со школы не люблю, у меня и без дурацких историй проблем – выше крыши.

Я, вежливо извинившись, поспешил оставить бедолагу с его шампанским и высокими проблемами, а сам нырнул в толпу.

Глава 3

Кофетерапия

Никем не замеченный, я выскользнул из зала через крошечную дверь в углу и по темной лестнице поднялся на второй этаж, в свой кабинет.

Здесь кстати отметить особый комфорт и продуманность именно этого, центрального, офиса и магазинчика в старом особнячке на Кузнецком. Отец выкупил все здание целиком – небольшой двухэтажный дом, в котором, кроме всего прочего, обнаружился весьма обширный и крепкий подвал. Старый Лис тут же сообразил устроить тут зал для таких вот светских праздников и мероприятий – и просторно, и интимно, ведь никакой чужак не сможет наблюдать за тусующимися через окна, которых в подвале нет и быть не может.

Над залом, на первом этаже располагается магазин «Садов Семирамиды» – самый большой из всех российских собратьев. Ну, а второй этаж – это рабочие кабинеты персонала, среди которых находится и мой – маленький, но уютный, каждого встречающий ароматом кофе.

Вот и теперь, едва шагнув в темную тишину своего пристанища (так называет мой кабинет сестра Ольга), я первым делом ощутил легкий аромат кофе и тут же поспешил зарядить себе порцию. Включив неяркую лампу на столе, я удобно устроился в глубоком кресле, вытянув ноги и прикрыв глаза. Кофейный автомат тихонько булькал, выдавливая в чашку капли божественного напитка, а я старался отключиться от всех неприятностей дня.

Все мы знаем простой закон жизни: добро – к добру, зло – к злу. Главное – всегда оставаться убежденным оптимистом: улыбайся в любых условиях, при любых обстоятельствах, и твоя улыбка непременно вернется к тебе радостью и удачей! Ну а будешь злиться и недовольно пыхтеть – твои неприятности никогда не завершатся, притягивая все новые и новые шишки на твой лоб.

Да, тут все ясно, и, как говорится, возражений нет. Но, боже мой, как трудно порою удержать свои эмоции! Когда любовь всей твоей жизни, едва успев поздороваться, тут же, что называется не отходя от кассы, бросается на шею другому, согласитесь, не каждому под силу жизнерадостно улыбаться, повторяя: «Все будет хорошо!» Девяносто девять процентов россиян в подобном случае не преминут грешным делом выпустить залп матюгов и уж потом обессиленно зарыдают.

Впрочем, мне хватило сил не ругаться и не рыдать. Я просто с чувством и достоинством взял свою чашечку кофе и вновь удобно устроился в кресле, непринужденно оформив свои ножки в новеньких штиблетах на стол.

Да, вот теперь, под славную чашечку, можно попытаться себя успокоить. Нет ничего проще! В самом деле: кто есть этот самый «Мыша»? Просто парень с руками и ногами, недостатками и дурными привычками. Да, папа его баснословно богат, но сыном своим после смерти русской жены ничуть не занимался, а потому Миша вырос стопроцентным оболтусом.

Почему, к примеру, он столь знаменит в Москве? Да потому что во всех приличных городах Европы его давно раскусили, потеряв всякий интерес. «Хабиби!» Вот и все, что может брякнуть этот тип, очаровывая девушек. А между тем мне, грешным делом, приходилось читать где-то в желтой прессе, что Мишин папочка направил его прямоком из Парижа в Москву, дабы парижские дельцы не вытрясли из него все денежки. В Москве же папа думал обучать сынка в МГУ, да только Миша так и не доехал до факультета, чтобы сдать свои документы: у нас тут своих дельцов и халявщиков – хоть отбавляй...

– Красиво жить не запретишь!

Услышав за спиной хриловатый голос, я мог даже не оборачиваться, чтобы убедиться: ко мне явилась моя разлюбезная сестра Ольга, стало быть, сейчас начнется: а) «песнь песней» по поводу очередной измены моей неверной пассии Сони; б) перебив костей светской публике вечеринки; в) фейерверк восторгов относительно явления богов народу – то бишь Славы и Патти с брьюликом на груди.

Я покорно прикрыл глаза.

– Входи, дерзкая.

Впрочем, Ольга не нуждалась в приглашении – она уже стояла передо мной, скрестив руки на груди, иронически приподняв бровь.

– А ты, как всегда, даже чашечку кофе сестренке не предложишь?

Я вяло пожал плечами, вновь прикрывая усталые очи.

– Отчего же? Угощайтесь, сколько влезет, но только с одним условием – у меня самообслуживание.

– Разумеется. Ты свою пятую точку лишний раз не поднимешь. Ну а я обойдусь и без кофе, тем более что прихватила с собой нечто по-лучше.

С этими словами Ольга торжественно водрузила на стол перед моими скрещенными ножками пузатую бутылку коньяка «Наполеон».

– Где тут у тебя тара под коньячок?

– В книжном шкафу.

Она очаровательно усмехнулась.

– Конечно, где же ей еще быть, как не в книжном шкафу!

Хлопоты заняли считанные минуты: разлив коньяк, Ольга устроилась напротив, чуть отодвинув мои ноги в сторону и присев на краешек стола. Первым делом она отпила неслабый глоток коньяка и улыбнулась своей фирменной улыбкой, знакомой мне с самого ее детства: немного иронической и в то же время ехидной.

– Итак, мой брат в очередной раз тоскует: Соня не спит, Соня бдит! Умница девочка, нашла себе крутого парня с миллионом в кармане.

– С папиным миллионом.

– У всех у нас папины бабки в карманах.

– Но не все их честно отрабатывают.

– Ах-ах-ах! Какие мы трудяжки! Но разве ты сам по себе что-нибудь заработал бы? Признавайся, где бы ты сейчас трудился, зашибая себе на хлеб насущный? Контролером в троллейбусе? Или машинистом в метро? Все! Больше с твоими тремя недоученными вышими тебя нигде бы не взяли.

– Вас понял. Так и быть, завтра пойду в храм божий и поставлю свечку за Старого Лиса. Какие еще будут ко мне вопросы?

Ольга неторопливо отпила коньячку, разглядывая меня с такой улыбкой, словно собиралась сообщить пренеприятное известие – к примеру, что Соня выходит замуж за одного Мишу и завтра же улетает с ним в Эмираты.

– У матросов нет вопросов. Я просто пришла поболтать с братцем о том о сем, а заодно напомнить: через пятнадцать минут не пропусти главный момент вечеринки! Надеюсь, ты не забыл, что сегодня под финиш...

Она для пущей важности подняла вверх свой пальчик с длинным ноготком, но я лениво прервал ее торжественную речь:

– Помню, не забыл: вносим торт со свечами в количестве трех штук и все дружно их тушим.

Ольга отпила еще глоток, и ее щеки приятно порозовели.

– Ответ принят с небольшой, но существенной поправкой: торт будет гигантский, потому его не внесут, а ввезут на специальной тележке. Чокнемся, что ли, братец Алenuшка?

Мы чокнулись, и Ольга тут же наполнила бокальчики по новой. Это было нечто не совсем привычное: Ольга и коньяк. Моя сестра, пусть в годы студенчества и придерживалась имиджа хиппи, но лишь чисто внешне, на самом же деле никогда не пила и не курила, не баловалась травкой и чем покруче. Сестрица Оленька всегда и во всем была невероятно дисциплинированной и пунктуальной, а потому без проблем, едва получив диплом о высшем образовании, возглавила московский филиал «Садов».

И вот теперь этот образцовый работник просто-напросто глушил благородный коньяк, как воду из-под крана!

– Стоп-стоп-стоп! – Я выхватил у Ольги ее бокальчик. – Чегой-то я никак не въеду: что случилось с моей суперправильной сестренкой? Кроме всего прочего, хочу отметить, что опыт в поглощении алкоголя у тебя минимальный, так что существует большая опасность, что при тушении свечей на торте ты запросто клюкнешься мордочкой в крем!

Ольга мгновенно прищурила глазки, зло и надменно поджала губки и даже попыталась вырвать свой бокал из моих рук. Разумеется, ей это не удалось, вместо того я поднялся и, отставив тару с алкоголем куда подальше, развернулся к сестре и крепко встряхнул ее за плечи.

– Давай, дорогая, колись: что у тебя не так? С Леней разбежались? – Признаться, я не всегда был в курсе очередной любовной авантюры сестры, а потому, едва произнеся имя «Леня», нахмурился. – Или как там его?

– Или «как там его»! – дернулась Ольга. – А его на самом деле зовут Паша. Или звали. Да, мы расстались, или, вернее сказать, он меня бросил!

И моя бедная сестричка рухнула в мое кресло, отчаянно разрыдавшись. Не называйте меня жестоким! Будь все это в первый раз, я, быть может, и посочувствовал бы бедняжке Оленьке от всего сердца, принялся бы петь, что нет никого на свете лучше и прекраснее моей дорогой сестрички и все эти лени-вити-паши еще сто раз пожалеют обо всем, но...

Но в том-то и дело, что Ольга, как и любовь всей моей жизни Соня, меняет своих бойфрендов, как перчатки, – с той только разницей, что и парни частенько бросают ее, когда она пытается поудобнее усесться у них на шее, небрежно погоняя прутиком в нужном ей направлении.

– Все пройдет зимой холодной!

Я произнес эту фразу нарочито тоном беспечного школяра, с намеком на прошлое – ведь с этими строчками у нас были связаны самые теплые воспоминания. Дело в том, что в дни счастливого детства наша дорогая мама, устроившись с нами на широком диване, частенько читала нам самые разнообразные книжки, в том числе и классику в лице Крылова и его басен. «Стрекоза и муравей» была из их числа, и эта строчка стала нашим с Ольгой девизом и добрым воспоминанием.

...– Дорогие мои, читайте правильно! Не забывайте о знаках препинания: «Все прошло» – двоеточие, а значит – пауза; далее: «С зимой холодной нужда, голод настает» – произносим неторопливо, с интонацией перечисления...

– Мам, мам, а Ален читает без всяких пауз: «Все пройдет зимой холодной»!

– Ален, читай правильно: не «пройдет», а «прошло» и далее...

– А баба Варя всегда так говорит! Через слово повторяет: «Все пройдет зимой холодной»! И вздыхает.

– Ну, детки, вы меня с ума сведете!

Общий восторженный визг, хохот, мы вместе с мамой отчаянно боремся в мягких подушках дивана...

Я пальцем коснулся чуть покрасневшего от слез носика Ольги.

– Выше нос, сестренка! Разве ты не знаешь? Все пройдет зимой холодной! А этот твой Леша...

– Паша!

– Тем более! Так вот, этот самый Паша пусть гуляет куда подальше. Чего такого ты в нем нашла?

Ольга шмыгнула носом, тут же вынимая откуда-то из своих, незаметных постороннему глазу, карманчиков пудреницу и приводя в порядок глазки-носик.

– Да вот – пять минут общения с душкой-братцем, и теперь уже сама не знаю, что я в нем нашла. Реально! В принципе, в Паше нет ничего особенного: баскетболист, под два метра ростом.

Я «испуганно» замахал руками:

– Не надо нам никаких баскетболистов! Не дай бог, не разродишься от двухметрового папаши!

Ольга усмехнулась, толкнув меня лапкой.

– Об этом и речи не шло!

– А о чем – шло? Из-за чего разругались?

– Ну...

Она капризно надула губки и чуток нахмурилась – по всему видать, в первый раз задавала самой себе вопрос о причине расставания.

– Он все хотел делать по-своему. У него – тренировки, соревнования, расслабуха, а я должна была подстраиваться под его график. Но я – глава московского филиала «Садов»! Как он не понимал, что у нас с ним все должно было быть с точностью до наоборот: это ОН обязан был подстраиваться под МОЙ график.

Я покачал головой, осуждающе поцокав язычком.

– Ай-я-яй! Нехороший мальчик. И как же все завершилось?

Ольга вновь насупилась.

– Я сказала, что сегодня вечером мы с ним идем на нашу вечеринку. Не спросила о его планах, не попросила его прийти – я просто констатировала факт, понимаешь?

Еще бы, уж кто-кто, а я отлично все понимал!

– А он?..

– А он бухнулся на диван с газеткой в руках и сказал буквально следующее: «Гуляй одна в свой «Сад»!»

Сказать по-честному, я едва не расхохотался здоровым и жизнерадостным смехом. Достаточно представить себе двухметрового дядю, которым моя пигалица-сестра пыталась управлять, как заправский диктатор, пока он наконец не созрел для того, чтобы попросту послать ее куда подальше – в «Сад»! Ну как тут не заплодировать?

Ольга, окончательно успокоившись и вновь спрятав пудреницу, глубоко вздохнула, скрестила свои изящные ножки и уже вполне светски мне улыбнулась.

– Вижу, ты стопроцентно поддерживаешь Пашу, хотя и усиленно делаешь вид, что нет. Бог с вами, с кобелями. В любом случае я очень даже рада, что мне хватило сил перед тем, как отбыть в «Сад», дать Паше добрый совет убираться вон из моего дома, чтобы по возвращении мне не пришлось вызывать отряд ОМОНа, дабы выкинуть его вместе со всеми мячами и шмотками. Вот так вот.

– Умница, – я пару раз хлопнул в ладошки. – Так с нами, кобелями, и надо – решительно и жестко.

Она улыбнулась чуть шире.

– Все пройдет зимой холодной!

– Все пройдет!

После этого Ольга весьма многозначительно подмигнула мне в сторону бутылки коньяка. Мне только и оставалось, что покорно разлить напиток по нашим пузатым бокальчикам и галантно преподнести сестре ее порцию.

Глава 4

Немного истории

Мы чокнулись и отпили по глотку. По мне – так мы с Ольгой обсудили все насущные вопросы, так что ей пора было и честь знать. Я уселся на ее недавнее место – на краешек – стола и намеренно умолк, недвусмысленно намекая, что хотел бы посидеть один, в тишине и благолепии.

Разумеется, Ольга все прекрасно понимала, но откланиваться не собиралась – она выплакалась на братской груди, и теперь, судя по всему, ее так и распирало продолжить сплетни.

– А ведь мы с тобой не обсудили главное: визит четы Ершовых, или попросту – Ершей. Признаться, Старый Лис не надеялся, что они явятся. Когда они вошли в зал, он чуть сознание не потерял от восторга. Ведь визит такой знаменитой пары на юбилей косметического дома – большой для него плюс. Бедный папа, он всю душу вкладывает в наше дело.

«Наше дело»! В переводе на итальянский это звучит как коза ностра. Вот так и начинается мафия.

– А ты обратил внимание на камешек у Патти на груди? – У Ольги глазки дивно заблестели – то ли от воспоминаний о «камешке», то ли от очередной порции коньяка, что вновь по собственной инициативе она долила себе в бокал. – Боже мой, я как раз читала о нем в каком-то серьезном журнале – убей, не помню, в каком именно, но это было буквально на днях.

– «Слеза небес», – не открывая глаз, я таки вставился, чтобы не выглядеть в глазах сестры полным профаном по части истории.

– Точно. Приготовься к мини-лекции в моем исполнении, потому как у этого камешка потрясающая история со смутного Средневековья, – тут Ольга внезапно оживилась, поудобнее устраиваясь в кресле. – В среде специалистов его прозвали Могильником, потому как он притягивает к себе трупы. Говорят, во многом из-за него король Франции Филипп Красивый затеял травлю рыцарей-тамплиеров. Конечно, все было оформлено благородно, как во все века во всех странах: причина – идеология. Дескать, тамплиеры отреклись от Христа, на своих тайных сборищах в духе шабашей плевали на распятие, и все в том же духе. Ну а на самом деле тамплиеры попросту стали слишком богаты и, стало быть, политически независимы и могущественны. Пора было потряхнуть их мошной.

Если Ольга реально чем-то интересуется, как правило, она досконально изучает вопрос, и слушать ее в таком случае – сплошное удовольствие. Неудивительно, что в конце концов и я открыл глазки, любезно разлил по новой коньяк в наши опустевшие бокалы, с любопытством ожидая продолжения.

Ольга почувствовала интерес публики и продолжила свой рассказ:

– По легенде, этот бриллиант преподнес великому магистру тамплиеров Жаку де Моле таинственный посетитель, прибывший из далекой и прекрасной Индии. Говорили, что само появление камешка было в своем роде дурной приметой, предвещая испытания, горе и смерть. Но при всем при том он был столь прекрасен, что Филипп Красивый пропускал все эти разговоры-суеверия мимо ушей – как и многие его предшественники, он размечтался, что именно этот бриллиант, знаменитая «Слеза небес», станет его камнем и амулетом.

Ольга сделала пару глотков и продолжила:

– Король дважды пытался вступить в орден тамплиеров, но каждый раз Жак де Моле решительно напоминал ему устав ордена, по которому в него не мог вступить никто из чле-

нов королевской семьи. Филипп не унимался. Не хотите по-хорошему – будет вам по-плохому!

Ольга зловеще прищурилась.

– Филипп вынудил папу римского упразднить орден. В 1312 году почти всех тамплиеров в одну ночь перебили, очень немногих заточили в темницу, имущество конфисковали, какое-то время якобы вели следствие, прибегая ко всевозможным пыткам. Великого магистра Жана де Моле сожгли на костре. Перед казнью он успел прокричать во всеуслышание о ложности всех обвинений и непогрешимости ордена.

Тут Ольгин голос стал чуть тише:

– На казни присутствовал сам король Филипп. Говорят, бриллиант «Слеза небес» сверкал у него на груди, а великий магистр, стоя в пламени, проклял его и весь его род, обещав в скором времени расправиться со всеми виновниками собственной смерти. Он выкрикнул следующее: «Не пройдет и года, как я призову вас на суд божий! Проклинаю вас до тринадцатого колена!»

Мы еще раз разлили коньячок, подняли свои бокальчики и выпили, улыбаясь улыбками заговорщиков.

Тут Ольга, к этому моменту уже довольно пьяная, наклонилась ко мне и заговорила свистящим шепотом:

– Представь себе: все сбылось! Буквально через месяц скончался один из участников травли тамплиеров – папа римский, а в 1314 году неожиданно пополнил список мертвых и сам король Филипп, всю свою жизнь отличавшийся отменным здоровьем. Вот тогда бриллиант «Слеза небес» таинственным образом исчез. Вновь он появился ближе к Французской революции – говорят, поначалу он принадлежал Марии-Антуанетте, после гибели которой попал в руки самого Робеспьера, который также был казнен...

Ольга торжественно поставила свой пустой стакан на стол, а сама легко поднялась, плавным движением руки оправив свое элегантное платье.

– Не будем подробно отслеживать весь дальнейший путь «Слезы небес», констатируем лишь простой факт: в нынешнем веке бриллиант явился перед нашими глазами, заблестав на роскошной груди роскошной Патти Мусс; подарок сделан простым русским парнем Славой Ершовым. Будем надеяться, что данной чете он не принесет траура. Все!

Она решительно подошла к двери и широко ее распахнула жестом дрессировщицы, выпускающей тигра из клетки.

– А теперь я приглашаю тебя в наш подвал на торжественный ввоз торта с тремя свечами в честь трехлетия наших «Садов». Идем!

Разумеется, пришлось подниматься и следовать за сестрой.

Глава 5

Кража века

Заключительный аккорд вечеринки прошел как по маслу. Едва я затесался в толпу хмельных гостей, как почти тут же отец в очередной раз взлетел на подиум (разумеется, все в том же сопровождении трезвого как стеклышко, а потому немного мрачного долговязого очкарика-переводчика) и пару раз небрежно тукнул пальчиком по микрофону.

– Друзья мои, вот и подошел к концу наш вечер! Но прежде чем все мы разъедемся в разные точки Москвы и мира, мне хотелось бы провести торжественную церемонию. Прямо сейчас в зал ввезут торт с тремя свечами. Мы все окружим его, дружно дунем!..

Лукавая улыбка на лице Жюля Муара – ну как тут не влюбиться! Неудивительно, что тут же в ответ из зала раздался призывный женский смех, а отец, словно волшебник, взмахнул обеими руками.

– Дунем и скажем хором: с днем рождения! С трехлетьем, дорогие «Сады»! Мы еще не раз здесь погуляем!

Едва переводчик завершил свой монотонно-бубнящий перевод, как зазвучала музыка, и свет в зале погас, мгновенно вызвав многочисленные взрывы хохота и чей-то игривый смех.

– Самый отчаянный момент, – раздался за моей спиной голос Ольги. – Все парочки сейчас имеют отличную возможность слегка потискаться. Жаль, мне не к кому прижаться всем телом.

Я только хмыкнул, озираясь в темноте, словно наполненной чьими-то вздохами и стонами.

– Ты можешь прижаться ко мне – только не слишком плотно, чтобы мой пиджачок не помять.

– Очень-то надо! С большим кайфом я надавала бы тебе тумачков.

– Взаимно! Помнится, в детстве ты чаще получала тумачки от меня и тут же бежала жаловаться маме!

– Зануда!

Мы с Ольгой, как вечные девственники, перебрасывались в темноте этими фразочками, притом я, невольно нахмурившись, размышлял, чем в настоящий момент занимается неверная Соня и не воспользовался ли темпераментный скакун Мыша этой темнотой для своих низких целей. Сестрица Ольга в этот момент тоже слегка загрустила, печально вздохнув.

Тут, к нашему облегчению, наконец-то распахнулись центральные двери, и парень в белоснежном смокинге торжественно вкатил в зал столик на колесиках, на котором красовался большой торт с тремя горящими свечами.

Да, торт был безупречно «вылеплен» в виде дивного сада Семирамиды или райских кущ, но общее впечатление было великолепным; казалось почти невероятным, что все это изящное и красочное творение искусства можно попросту съесть.

Торжественно и неторопливо торт приблизился к подиуму, с которого спрыгнул Старый Лис и, непринужденно пригласив к себе Патти по левую руку, замер на месте, щелкнув пальчиками. Мгновенно рядом с ним по правую руку оказались мы с Ольгой; отец взял меня и Патти за руки, мы, в свою очередь, цапнули за лапки своих ближайших соседей, и все дружным кругом-хороводом наклонились, набрали побольше воздуха и дунули, враз потушив свечи.

– С днем рождения!

– С трехлетьем!

Одновременно снова со всех сторон раздался игривый смех, поскольку в течение нескольких секунд в зале вновь царил полная тьма.

Почти тут же свет вспыхнул, заставив многих судорожно отпрянуть от объектов притяжения. Надо ли добавлять, что мне первым делом бросилась в глаза пара, застывшая в страстном поцелуе? Разумеется, то была Соня со своим шейхом Мышей.

Впрочем, от данной неприятной картинке меня почти тут же отвлек испуганный вскрик:

– My God, what's it! Oh, my dear...

Вскрик, почти тут же взвизг – все это исходило от великолепной Патти Мусс.

Мгновенно все взоры сконцентрировались на ней: обеими руками шоколадная дива отчаянно оглаживала свой роскошный бюст, при том при всем едва не плача. Признаться, подобная картинка многих настроила на эротический лад, раздались отдельные игривые реплики и смех, но тут слово взял Слава Ершов, до тех пор так и сидевший, не отклеиваясь, у стойки бара.

Он в один момент подскочил к супружнице, решительно сжал обе ее ручки и резко развел их в стороны. В то же мгновение все стало ясно и понятно: на груди Патти не было роскошного бриллианта «Слеза небес».

Самолично убедившись в этом шокирующем факте, Слава мгновенно стал белым, как снег на альпийских вершинах, отпустил руки Патти и развернулся, бросая на окружающий народ взгляд ограбленного буржуа.

– Кто спер наш брюлик?!

Слышали бы вы его хриплый сип! Словно в один момент парень потерял не только бриллиант, но и голос.

Ответом ему было гробовое молчание. На несколько мгновений весь зал замер, соображая, что, собственно, происходит. Наконец кто-то из самых умных, сообразительных или попросту трезвых выкрикнул:

– Сенсация века: на светской тусовке в «Садах Семирамиды» украден знаменитый бриллиант!

Тут же все кругом загудело-зашевелилось, все принялись по новой наливать себе остатки спиртного, а кое-кто не преминул отрезать и порцию тортика: в самом деле, ведь бесценное сокровище на кучу бабок украли у Славика!

А Слава действовал. Для начала он развернулся к Старому Лису, который также в одно мгновение словно потерял дар речи. Миллионер попытался взять Лиса за грудки, чему я немедленно и весьма активно воспрепятствовал, отодвинув парня чуток в сторону.

– Спокойно, Слава! Сами понимаете, мы ваши камушки не брали, а раз некто воспользовался темнотой, стало быть, тут имеет место ограбление.

Я обернулся и, встретившись взглядом с Ольгой, кивнул ей:

– Давай, Оля, ноги – в руки, бегом в офис и вызывай полицию.

Последние слова я практически шепнул ей на ушко – чтобы не вызвать у всей нашей публики нездоровую панику с беспорядочным побегом вон из зала.

Ольга тихо и незаметно исчезла, а я все тем же конспиративным тоном посоветовал отцу отступить к центральным дверям и интеллигентно закрыть их на ключик, поставив для охраны парня, что прикатил торт. Ясное дело, что до прихода полиции все должны оставаться на своих местах.

Пока выполнялись мои ценные указания, я отошел в сторонку, наблюдая за взволнованной публикой, невольно пытаясь обнаружить где-то среди спин и лиц мою дивную Соню. Напрасный труд! Красавица исчезла, судя по всему, на пару с Мишей, будь он не ладен. Я порылся в карманах своего смокинга в поисках какой-нибудь распаршивой салфетки, чтобы

утереть со лба праведный пот. Салфетки, естественно, и близко не было, зато я неожиданно нащупал в правом кармане нечто похожее на цепочку.

Сами понимаете, моей первой реакцией был сигнал тревоги, вспыхнувший где-то на периферии сознания. Цепочка! Откуда она взялась у меня в кармане? Я сроду не носил никаких ювелирных украшений, а потому в моих карманах отродясь не было ничего подобного. Я осторожно зажал оную цепочку в кулак, вытащил из кармана и, отвернувшись к стене, разжал кулак.

Плоская цепочка из платины. Сомнений не оставалось – то была цепочка с шейки Патти, именно на ней красовался кулон со «Слезой небес». Но, черт возьми, я не крал брюлик! Стало быть, неизвестный вор решил ловко подставить меня, незаметно опустив цепочку в мой карман. Слава тебе господи, я вовремя принялся искать салфетку и обнаружил горяченькую улику, которая вполне могла стоять мне свободы!

Я осторожно опустил кулак с зажатой цепочкой, развернулся спиной к стене и аккуратно отшвырнул опасную улику в угол, после чего неторопливой походкой направился к орущему и стонущему у стойки бара Славе. Подхватив Славу под руку, я негромко, но настойчиво принялся советовать ему успокоить супругу, потому как к этому времени неутешная Патти от призываний безымянных сил и богов решительно перешла к ненормативной американской лексике, которая в наше суровое время прекрасно известна практически всем более-менее продвинутым россиянам.

– Да хрен с ней, с Патькой! – почти взвыл Славик, сжимая кулаки. – Этот камешек обошелся мне в такую кругленькую сумму!

– Не волнуйтесь, сейчас придет полиция, и его быстро найдут, – попытался успокоить я беднягу миллионера. – Все остались на своих местах, надеюсь, никто не успел смыться. Стало быть, и ваш камешек – где-то здесь! Всего-то и надо, что дожидаться полиции и всех обыскать.

Знал бы я, как ошибался! Наивный чукотский юноша, я с энтузиазмом ждал прибытия полиции, надеясь, что все быстро разрешится, и одновременно содрогался от болезненной радости, что успел вовремя избавиться от опасной цепочки. Кстати сказать, я тут же тщательно проверил все свои карманы, убедившись, что больше неизвестный «даритель» ничего мне не подкинул.

Между тем до прибытия полиции чуть ли не половина гостей благополучно слиняла, так что обыскивать оставшуюся подвыпившую часть публики было практически бессмысленно. Разумеется, цепочку, от которой я избавился, быстро нашли, что дало полицейским заряд энергии растянуть бойкие обыски-допросы до самого утра. Всех участников вечеринки, в том числе и вовремя слинявших, требовали еще пару недель спустя после кражи века, то и дело вновь вызывая в следственный отдел для дополнительных допросов. Все было бесполезно: цепочка оставалась единственной находкой, а знаменитый бриллиант так и не был найден – он как в воду канул.

Между тем Слава Ершов со своей драгоценной Патти, с трудом, но пережив потерю, в конце концов помирились, а спустя неделю укатали с горя на Багамы; отец при первой же возможности сбежал в Париж, и все более-менее вернулось на круги своя.

Что касается моей возлюбленной – Соня попросту исчезла из моего поля зрения, по всей видимости, кинувшись в омут любви с красавчиком Мишей.

Что прикажете делать одинокому волку Алену? Мне только и оставалось, что с головой уйти в семейный бизнес, охорашивая и доводя до совершенства официальный сайт родной фирмы.

Глава 6

Размышления на досуге

Как можно меньше думать о любимой девушке и ее новой love story мне помогало лето – волшебное время года, его золотая середка – июль, когда весь сад, окружающий мой симпатичный домик в зеленой зоне Москвы, в буквальном смысле цвел и пах, оранжерея дарила урожай ананасов и лимонов.

Сразу оговорюсь, что то самое время после ограбления века пришлось на мое гордое одиночество в прямом смысле слова: мой садовник и повар по совместительству Васек Щекин, давно ставший для меня добрым другом и товарищем, свой законный отдых проводил в Болгарии, на курорте в Варне, а я понемногу привыкал со всем управляться в одиночку.

Каждое мое утро начиналось удивительно и прекрасно: я, позевывая и потягиваясь, похрустывая косточками, спускался из спальни на первый этаж, сворачивал на кухню и первым делом настежь распахивал стеклянную дверь, выходящую на террасу с видом на оранжерею.

Умиротворенно и неторопливо я заправлял кофеварку и ставил ее на огонь, отправлял круассаны в микроволновку для согрева, а сам тем временем протирал столик на террасе, отряхивал кресла и расставлял необходимый минимум посуды – сахарницу, чашку, блюдо.

Пока подходил кофе на плите, я успевал сбежать к воротам за утренней почтой и с ворохом свежих газет возвращался назад. Завтрак можно начинать!

Признаться, вполне возможно, моей небольшой ошибкой во всем этом в целом безупречном утреннем расписании можно считать лишь добавку к классическому кофе с круассанами порции прессы. Именно утренние газеты вносили в мой славный мирный завтрак долю диссонанса.

Судите сами. И спустя неделю после ограбления века вся пресса гудела, по сто раз на день задавая один и тот же вопрос: кто же мог украсть знаменитый бриллиант и куда на этот раз скрылась «Слеза небес»? Надо ли добавлять, что тот же самый вопрос немедленно начинал задавать себе и я сам, каждый раз по новой содрогаясь при воспоминании о цепочке в собственном кармане и в сотый раз погружаясь в мрачные размышления, кто же мог, скользя мимо меня тенью, небрежно подкинуть опасную улику в мой карман.

Самое же забавное, что ответами на все эти вопросы до сих пор даже и не пахло, хотя практически каждое печатное издание лихорадочно, буквально из пальца высасывало все новые и новые версии, предлагая свой список богатеев мира, готовых заплатить за «Слезу» баснословные суммы, а под финиш неизменно сваливая всю вину за кражу на славных тружеников наших «Садов».

Что касается официального следствия, то самые знаменитые полицейские чины Москвы только разводили руками, точно так же предпочитая все свалить на нашу семейную фирму: дескать, как тут что разыщешь, когда у этих косметологов элементарно нет полного списка приглашенных!

И в том сыскари были абсолютно правы: даже всеми силами полиции столицы за неделю так и не удалось составить полный список всех, кто в тот день присутствовал на вечеринке.

Да, у нас имелся список главных приглашенных, включая полный перечень оплаченных звезд и звездулес российской эстрады, в общем и целом – сто пятьдесят три человека. Но на самом деле народу собралось чуть ли не вдвое больше: кто-то привел с собой друзей-подружек, кто-то из многочисленной московской богемной халявы явился сам, будучи в курсе, что у Жюля Муара не будет овчарок на входе.

В итоге полицейские замучились составлять списки со слов приглашенных: одни вдруг вспоминали, что видели васю-петю-машу, а потом каялись, что перепутали, и вася-петя-маша тусовались на другой вечеринке в другой день в другой части столицы. И все в том же роде до бесконечной бесконечности.

Что касается самой ночи грабежа века, то, повторяюсь: сразу же, не отходя от кассы, произвести повальный обыск ВСЕХ гостей так и не удалось, потому как лавина доля приглашенной элиты просто высокомерно фыркнула и удалилась, так что, когда появилось подкрепление доблестной полиции, на месте не оставалось и трети участников вечеринки. Надо ли добавлять, что главный виновник шумихи – похититель «Слезы небес» – наверняка благополучно скрылся одним из первых?

И все-таки я, как сыщик-любитель и комиссар полиции, в душе не мог не задумываться над тем, что реально могло произойти в тот вечер и, стало быть, где теперь мог находиться знаменитый бриллиант. Разумеется, здесь ко мне присоединялась ушлая пресса – мы с журналистами мыслили практически идентично.

Как говорится, и коню ясно: ограбление произошло в короткий момент, когда на две минуты в зале погас свет. Почти тут же распахнулись центральные двери; естественно, в тот самый момент взоры всего честного народа были направлены именно в ту сторону – на торт с мерцающими свечами.

А вот глазонки грабителя заранее сконцентрировались на шоколадке-Патти, и конкретнее – на ее пышном бюсте со сверкающей «Слезой небес».

Прическа у Патти стильная и компактная: короткая стрижка с торчащими во все стороны завитками. Стало быть, при известной ловкости рук было вполне возможно, стоя за спиной шоколадки, этак аккуратненько снять с нее довольно просторную платиновую цепочку с бриллиантовым кулоном, чуть позже избавившись от цепочки, заодно и, кстати, бросив тень на левого человека, то бишь на меня.

Вы скажете: неужели Патти не почувствовала, как некто подцепил где-то в районе ее шейки-грудки цепочку? А у нас с прессой есть простой ответ: дело в том, что Патти буквально пару месяцев назад сделали пластическую операцию как раз на бюстике – чтобы, как говорится, он был как новенький. В итоге кожа в этой зоне тела слегка потеряла чувствительность. А это значит, что в общей мини-давке девушка могла и не почувствовать чужую руку.

Продолжая логически размышлять дальше, каждый нормальный Шерлок Холмс непременно придет к простому выводу: преступник заранее готовил ограбление века, а потому подсутился изучить сценарий вечеринки, раз так все подготовил и благополучно смылся, скорей всего, сразу после торжественного задутия свечей на торте.

Тут пресса в собственных расспросах переплюнула полицию, которая, в свою очередь, пыталась вытрясти у Старого Лиса, Ольги и у меня, грешного, ответ на вопрос: «Кто, кроме вас, знал сценарий вечеринки?» Все самые настойчивые расспросы-допросы полиции абсолютно ничего не дали.

Дело в том, что ответ на вопрос был до чрезвычайности прост. Мы, все трое, ответили сдержанно: пардон, но все знали всё. Потому как сценарий сочиняла сначала Ольга, по сто раз на день советуясь со всеми своими многочисленными подружками; затем отец связался с фирмой «Фейерверк», заказав сценарий им, профессионалам, заранее обговорив, что роль ведущего будет исполнять он сам, для чего тут же оплатил полный перевод текста на французский.

При том при всем финальная сценка с гашением света и тортом, предложенная «Фейерверком», так пришлось по душе лично Ольге, что она под грифом «Совершенно секретно» нашептала на ушко сотне своих подружек-знакомых этот дивный завершающий эпизод.

Что касается «секретного» факта о возможности появления на вечеринке Славы Ершова с Патти, то и этот «большой сюрприз» был не менее широко известен в нашей «маленькой» компании, чем и привлек столь многочисленную публику. Между нами говоря, Старый Лис «организовал» даже пару-тройку статей в прессе накануне вечеринки об ожидаемых столь знаменитых гостях. Ну, а интересная информация о приобретении Славой известного бриллианта, равно как и то, что Патти напяливала роскошную обновку буквально на все гламурные тусовки месяца, и вовсе ни для кого не была секретом.

Словом, и пресса, и полиция сделали общий безутешный вывод: все знали всё, и буквально любой дурак мог задумать кражу камешка. Удивительно, что в момент кражи у шеи Патти не произошло давки.

Если же размышлять в общем и целом на тему «Кто из присутствовавших на вечеринке кажется особо подозрительным лично мне», то в данном направлении я провел разведку в первые же часы ЧП, когда полицейские еще только готовились допросить возбужденных участников вечеринки.

Я поймал Ольгу и, утащив ее в более-менее тихий уголок, свистящим шепотом задал нещадно мучивший меня вопрос:

– Послушай, откуда взялся этот нудный очкарик-переводчик? Ты что – уволила симпатягу Андрея?

Бедняжка Ольга, слишком вздрюченная всеми событиями, не сразу поняла, о чем идет речь, а когда смысл моего простого вопроса наконец до нее дошел, только раздраженно отмахнулась ручкой.

– Мне бы твои заботы! Никто никого не увольнял – помнится, сам Андрей попросил меня о замене и тут же представил этого очкарика, убей – не помню, как его зовут. Замена на один раз, нашел, из-за чего дергаться.

И она поспешила смыться. Я поискал взглядом безымянного переводчика и обнаружил его за стойкой – он скорбно глотал не допитое Славой дорожное шампанское «Кристель», пока отец уединился в кабинете на втором этаже, чтобы немного прийти в себя.

Как мне удалось выяснить, на момент кражи переводчик исчез, во всяком случае, за правым плечом отца он точно не стоял, чему я лично был свидетелем. Сам очкарик сообщил полиции, что на время задутия свечей отошел к стойке бара, чтобы немного расслабиться. Пусть объяснения и выглядели вполне разумно, я, пользуясь своими неплохими отношениями с полицией, все-таки посоветовал им основательно потрясти парня, перепроверив все его объяснения.

Тут стоит отметить, что эти бурные дни бесконечных допросов после славной вечеринки дали мне занятное знакомство: каждый раз лично меня, как и весь клан нашего семейства, допрашивал майор из следственного комитета Петр Иванович Лучников – симпатичный мужичок «под полтинник», с великолепным чувством юмора и общим философским отношением к жизни. Каждый наш допрос неизменно завершался милой болтовней словно бы двух старых приятелей.

– Не знаю, как ты, мил-человек, а я с детства был большим любителем детективного жанра, – с легкой улыбкой говорил Петр Иванович, заваривая себе чашку крепкого чая, ярым поклонником которого являлся. – Каждый роман – захватывающая история: загадки, погони, потрясающая работа мозговых извилин и – блестящий вывод: в преступлении виновен вот кто! Наверное, потому я и решил стать сыскарем. И вот работаю... Что ж, в общем и целом я доволен. Да только в реальной жизни и в реальных преступлениях так мало романтики и... загадок. Чаще всего преступник известен, все более-менее банально и ясно, но вот обеспечить стопроцентное доказательство вины виновного не так просто. То ли дело полицейские сериалы!..

Он отпивал свой чай, с легким прищуром смотрел на меня, каждый раз неожиданно подмигивая:

– Надеюсь, «Слезу небес» похитил все-таки не ты. Как говорится, пока преступник не пойман за шкуру, подозреваются все. И все-таки, скажу тебе по секрету, в этом деле замешан международный криминал. Есть сведения, что «Слезой небес» шибко интересовались один богатенький гражданин Турции и крупнейший поставщик наркотиков из Бразилии. Так что тут у нас разворачивается настоящий боевик.

И славный сыскарь потирал руки, озорно мне подмигивая.

Вот Петру Ивановичу я и озвучил свои подозрения по части неприятного переводчика: ведь не может же быть простой случайностью, что переводчик, практически тень главы фирмы, неожиданно сменился именно на одну эту вечеринку! Майор обещал все тщательнейшим образом проверить.

В последний день нашей встречи-допроса, когда я в последний раз подписал протокол, он на прощанье с особенным чувством пожал мне руку и вдруг вздохнул, покачав головой:

– Ой, чует мое сердце – мы еще с тобою встретимся!

Петр Иванович как в воду глядел! Но до нашей очередной встречи надо было, как говорится, еще дожить.

Глава 7

Зарабатываем премию

Пробежав глазами по последним вздохам-размышлениям на эту тему в утренних газетах и пару минут поразмышляв про себя, кто же все-таки мог заранее все рассчитать и подготовить, я, следуя советам психологов, отбросил газеты в сторону, широко улыбнулся и произнес вслух самым жизнерадостным и жизнеутверждающим тоном:

– Доброе утро, добрый день и заранее – добрый вечер, добрая ночь, все у меня просто прекрасно, а будет еще лучше!

А все и вправду шло просто замечательно: солнце радостно сияло на ослепительно-синем небе, птицы звонко пели в изумрудной листве деревьев, а весь дом был наполнен ароматом кофе. Жизнь прекрасна и удивительна!

Развалившись в шезлонге на террасе, я допил первую чашку кофе и отправился на кухню, чтобы зарядить себе новую порцию. Тут-то и раздался звонок домашнего телефона, заставив меня немного покружить по кухне в поисках трубки; в конце концов я обнаружил ее в корзинке для хлеба.

– Аллэ? Ален?

Разумеется, то был Старый Лис: поспешно слиняв в Париж после скандальной вечеринки, он почти каждое утро звонил мне, осторожно интересуясь, не найден ли, по его выражению, «наглый вор».

– Разумеется, папа, это я, кто же еще? – я усмехнулся. – В мой дом до сих пор не удалось проникнуть ни одному вору-грабителю, все благополучно, тишь да гладь, все мои бриллианты на месте.

– Ах, Ален, не шути так, ради всего святого! – В голосе отца мгновенно зазвучали панические нотки. – И, кстати сказать, Ольга рассказывала мне о том, что тебе приходилось пару-тройку раз весьма успешно раскрывать преступления. Почему бы тебе, вместо того чтобы шутить в дурном вкусе, не помочь русским полицейским найти этого наглого вора?

Наивный парижский Старый Лис!

– Папа, русские полицейские и близко не подпустят меня к следствию, для них я – в числе главных подозреваемых. Кто, как не я, мог все это заранее спланировать и организовать?

– О боже, не говори так, дорогой Ален! – я без лишнего напряжения представил, как отец в этот момент трагически закатил глаза. – В самом деле, я очень надеюсь, что это не ты украл бриллиант. Ведь ты слышал, что он приносит несчастье?

Я только усмехнулся и поспешил успокоить бедного папу:

– Разумеется, я в курсе, и, разумеется, я ничего не крал за всю свою молодую жизнь. Хотя, по правде сказать, в данном конкретном случае я готов аплодировать удачливому вору: bravo! Наш славный Слава Ершов не обеднеет и, быть может, научится смотреть на людей не сверху вниз.

– Какой кошмар! Ален, ты меня пугаешь! Такие речи! Чувствую, мне необходимо позвонить твоей матери и просить ее...

Тут уж я слегка нахмурился. В свое время наши родители, как говорится, любили друг друга страстно и верно, но довольно скоро решили тихо-мирно разойтись. С тех пор мама растила нас с любовью и нежностью в ущерб своей любви к ботанике (она работала преподавателем в Тимирязевской академии), отдавая нам все свое время и силы; только убедившись, что мы с Ольгой вполне встали на ноги, она подписала контракт, уехав трудиться в Танзанию, в национальный парк Серенгети, до сих пор регулярно названивая и интересуясь

нашими проблемами. Сами понимаете: мама для меня – святое, и я никому, даже отцу, не позволяю ее тревожить.

– Папа, оставь маму в покое! Ей хватает своей головной боли с травками-цветочками жаркой Африки. И вообще забудь ты про этот несчастный бриллиант! Ведь не у тебя же его украли.

– Лучше бы у меня! – Старый Лис трагически вздохнул. – Представь себе, даже в Париже меня замучили журналисты – все желают взять у меня интервью по поводу моего мнения о скандале, и каждый второй интересуется, якобы шутя, не я ли стянул «Слезу небес»! Настоящий кошмар.

Признаться, этот разговор, в точности повторяющий вчерашний и позавчерашний, начинал меня утомлять.

– Ничего кошмарного, – я с трудом сдержал зевок. – На твоём месте я использовал бы кражу века на благо «Садов».

– И каким же это образом?

Тут подошел мой кофе, и я постарался побыстрее завершить весь этот бестолковый разговор:

– Каким?.. Да самым простым: соглашайся на все интервью, сам организуй пресс-конференцию с сообщением, что «Сады Семирамиды» выпускают новые потрясающие духи под названием «Слеза небес». Доход с первой партии ты передашь в дар тому, кто поймает удачливого вора.

Несколько секунд отец молчал. Мне настолько не терпелось с ним распрощаться, чтобы со вкусом засесть на террасе с очередной порцией кофе, который уже заполнил божественным ароматом всю кухню, что я пару раз осторожно кашлянул, приводя отца в чувство.

– Ален, это просто гениально! – раздался наконец потрясенный шепот Старого Лиса. – О боже мой, благодарю тебя за моего гениального сына!

Почти тут же его тон разительно изменился – отец заговорил отрывисто и сухо, словно это я своими глупыми звонками отвлекаю его от важных дел.

– Итак, я немедленно сажусь за текст обращения, а ты, будь столь добр, организуй нечто подобное на русском сайте «Садов» – дескать, готовьтесь к новому таинственному и с ума сводящему аромату духов под мистическим названием «Слеза небес». Дивно оформленный анонс должен быть на сайте уже сегодня!

Я едва не поперхнулся.

– Ты что, серьезно? И новый аромат сочинишь за пять минут?

– Серьезнее не бывает. А новый аромат у нас уже есть – просто до сих пор мы не могли придумать ему интересное название. Спасибо за подсказку!

И в трубке запищали гудки.

Что ж, по крайней мере, теперь можно было быть уверенным, что Старый Лис в ближайшие дни не будет изводить меня своим нытьем. Я подхватил кофейник и отправился на террасу продолжать свой *petit déjeuner*.

Глава 8

Каникулы начинаются

Признаться, в то лето я и не думал об отпуске: отец планировал открыть еще несколько магазинчиков на карте бескрайней России, что накладывало на меня целый ряд новых обязанностей и хлопот. Впрочем, для меня то был лишь повод беспечно жить не тужить в своем домике, предаваясь малым, но столь милым радостям бытия.

Вскоре должен был вернуться из своего болгарского отпуска Васек, а это значило, что на грядках нашего огородика начнут особенно обильно зреть овощи, травы-приправы, я буду любоваться садовником, поливающим сад, наслаждаться дивными ароматами его чудной кухни и прочее, прочее в том же духе.

Все изменилось в один час, когда, налив себе чашечку кофе и вытянув ноги в кресле на террасе, я развернул утреннюю прессу. Первый же заголовок, что бросился мне в глаза, заставил вздрогнуть: «Миша Альмасли женится на русской художнице: «Я самый счастливый мужчина на свете!» Тут же красовался и цветной снимок на всю полосу: оный Миша счастливо хохотал, крепко обняв женщину, сделавшую его самым счастливым, – Соню Дижон. МОЮ Соню Дижон!

Я в ярости отшвырнул газету в сторону. Черт возьми, сколько времени длится наша история, а каждый раз, когда очередная авантюра Сони становится слишком известной широким массам, я готов выть на луну и крушить египетские пирамиды Хеопса. И тем не менее все это дало мне определенный опыт. Я знаю, что в такой момент очередного «открытия» следует первым делом попытаться успокоиться: крепко зажмуриться, сжать и резко разжать кулаки, после чего открыть глаза и широко улыбнуться миру улыбкой победителя.

– Все пройдет зимой холодной!

Эта фраза также входила в мой традиционный обряд самоуспокоения. Я глубоко вздохнул и нарочито спокойно взял в руки откинутую газету, перечитав статью про счастливую парочку Соня – Миша от корки до корки «с чувством, с толком, с расстановкой».

Итак, данная статья сообщила мне интереснейшие сведения. Во-первых, любовь Сони и Миши набирала фантастические обороты: парень дарил возлюбленной сумасшедшие подарки, едва ли не скупая на корню московские ювелирные магазины и элитные бутики. Самая же сенсационная новость была припрятана автором статьи напоследок: парочка намеревалась обручиться не в Москве златоглавой, а в столице Болгарии Софии, где славный Миша, по его словам, намеревался купить себе квартиру.

Я отложил газету в сторону и усмехнулся. В Софии! Интересно, почему не в Арабских Эмиратах? Болгария никогда не была местом роскошных тусовок, согласитесь, это все-таки не Канны и не Дубай. А впрочем, в выборе места свадьбы Миша невольно сыграл мне на руку. Не напрягаясь, я тут же припомнил, что в Софии проживает моя добрая старая подруга Пенка Петкова, с которой в годы шальной юности я подружился, будучи студентом ВГИКа. Пенка тогда обучалась на сценарном отделении и была перманентно влюблена, регулярно страдая из-за расставания с очередным Ромео.

– Вот так вот, – я ухмыльнулся Мише, скалящемуся на всю ширь газетной полосы, – имейте в виду, милейший: я сделаю все возможное и невозможное, чтобы сорвать ваше бракосочетание. Я немедленно лечу в Софию. Свадьба априори отменяется, заручите это себе на носу.

Признаюсь и каюсь: я не сдержался и от души дал хорошего щелчка по физиономии Миши, после чего аккуратно свернул газету и бросил ее в мусорную корзину. Вот тут и раздался телефонный звонок, ставший последней каплей в моем решении побыстрее сказать:

«Прощай, немытая Россия»: звонил майор Лучников, и его голос с первых же слов заставил меня нахмуриться.

– Гражданин Муар-Петрухин? – Он произнес это вместо приветствия и продолжил без малейшей паузы: – Довожу до твоего сведения, милый человек, что не сегодня завтра мы вызовем тебя для дополнительных тщательнейших допросов. К нам поступило анонимное письмо, в котором сообщается, что именно ты украл бриллиант. Письмо, сказать по правде, смешное – несколько несуразных слов, как будто бы его писала сама Патти с ее ужасным русским языком. Ну а, возможно, это кто-то тщательно скопировал ее стиль. Как бы то ни было, письмо пока что передали на рассмотрение нашему шефу, а я хочу предупредить тебя, потому как лично мне ты, милый мой, очень пришелся по душе. Улетай вслед за отцом хоть в Париж...

Торопливо проговорив этот монолог, майор тут же дал отбой.

Сами понимаете, радости и спокойствия данное сообщение мне не добавило. Коню понятно: нужно что-то делать, быстро и срочно. Успокоив себя усилием воли, я нарочито неторопливо допил свой кофе, после чего притащил из комнаты свой ноутбук, открыв который первым делом зашел на свою страничку на Фейсбуке, с радостью обнаружив, что как раз в это самое время Пенка присутствует на сайте.

«Пенка, дорогая моя, привет!» – воодушевленно настроил я приветствие и, как только увидел ее краткий ответ: «Привет», тут же сообщил: «Можешь меня убить, дорогая, но я сегодня же прилечу к тебе в гости. Встречай меня – «Аэрофлот», последний рейс. По приезде расскажу все как есть. Встретишь?» На этот раз ответ чуток задержался. Я, невольно нахмурившись и сжав кулаки, в ожидании пялился на экран.

Наконец Пенка ответила буквально следующее: «Ален, я, конечно, очень рада, но тут есть проблема». Я не стал ждать продолжения, предпочитая решительно закрыть тему, написал: «Спасибо! Встретимся – поделишься своими проблемами!» – и тут же вышел со странички, чтобы Пенка не успела каким-либо образом отменить мой полет.

После этого я заказал себе билет на вечер и кинулся в комнату собирать вещи. Как говорится, промедление смерти подобно.

Разумеется, я не барышня, а потому на сборы ушли считанные минуты, после чего я вернулся на террасу, чтобы на этот раз, выкинув вон из головы все мысли об анонимках и подброшенных цепочках, отдаться чисто лично-интимным страданиям, более-менее спокойно ознакомившись с прессой по вопросу планов Сони и Мыши насчет Софии. Моей целью было не допустить их бракосочетания, а потому следовало изучить всю имеющуюся информацию на эту тему тщательнейшим образом и продумать гениальный ответ на простой вопрос: как сорвать софийскую свадьбу?

Наша родная пресса всегда рада обсудить во всех подробностях суровую жизнь богатеньких Буратино, а потому готовящееся бракосочетание представителя арабских шейхов с простой русской художницей обсуждали все, кому не лень. Первый же глянцевого журнала под лаконичным названием «Наша жизнь» открывался красочным снимком: наполовину растаявшая от счастья растрепанная Соня в объятиях проклятого Миши.

Ей-богу, на этом снимке моя любовь больше всего казалась мне похожей на хищницу – пантеру, или пуму, или нечто в том же духе. Да и сам Миша, нежно обнимавший ее за талию, выглядел бравым вампиром; оба одинаково хищно улыбались-скалились, и в хищно прищуренных глазках обоих отсвечивал все тот же кроваво-красный огонек.

Я вполне отдавал себе отчет, что держу в руках типичный образец желтой прессы, со стонами и визгом обмусоливавшей интимную и публичную жизнь мировой элиты, а потому не стоит брать в голову всю ту муть, что сопровождала данный снимок и другие, которых

было немерено на следующих страницах. В конце концов, мне не семнадцать лет – следовало спокойно отделять факты от плевел.

Я все понимал, и тем не менее, переворачивая одну страницу за другой, внимательно рассматривая яркие снимки с роскошно-небрежной Соней в главной роли, я понемногу накалялся, так что саму статью уже читал со скрежетом зубовным.

Статейка восторженно-сюсюкающим стилем взхлеб вещала о том, как встретились двое красавцев, полюбили друг друга (да по несколько раз за день) и прилепились друг к другу, как в бане липнет к пятой точке банный лист. Вот такая вот история современных Ромео и Джульетты (не первой свежести).

Да простят мне боги мой желчный настрой в пересказе статейки. Опущу описание всех остальных статей и заметок, коими пестрели издания СМИ, – всюду лишь восторженное перечисление нарядов парочки да обалденных подарков Миши Соне.

Единственный факт, что я тут же зафиксировал в своем измученном ревностью сознании, был прост и в комментариях не нуждался: в одной из статей сообщалось, что счастливая невеста УЖЕ вылетела в Болгарию, где буквально на днях к ней должен присоединиться счастливый жених.

Увы, во всех творениях столичных журналюг и не пахло более конкретными сведениями: в каком отеле Софии остановилась Соня, когда точно прибудет в болгарскую столицу Миша и на какое число намечена свадьба.

Я отбросил от себя всю стопку журналов-газет и на мгновение замер, откинувшись на спинку кресла, зажмурив глаза. Спокойствие, только спокойствие!..

Между тем время приближалось к отъезду. Я потянулся, еще раз улыбнулся улыбкой победителя и, сделав заказ такси по телефону, отправился освежиться в душ.

Глава 9

Встреча на дорожку

Пока ехал в Шереметьево, едва не поседел. Каждый светофор, перед самым носом такси коварно меняющий цвет с зеленого на красный, доводил меня почти до инфаркта, а общий поток автомобилей, казалось, двигался чересчур уж медленно и неторопливо, в то время как я готов был взлететь, оттолкнувшись от капота ножкой и взмахнув руками. Боже мой, ну почему люди не летают, как птицы?!!

Как бы то ни было, а благодаря мастерству таксиста мы прибыли на место почти вовремя, и на прощание я едва не разрыдался у него на груди. Чуть позже, вспоминая свое поведение в последние часы перед отлетом, я сделал суровый вывод, что несчастная любовь не только подрезала мне крылышки, но едва ли не сделала из меня психопата, готового рыдать и палить вокруг себя из пулемета.

Заняв место в очереди, состоящей на сто процентов из, казалось, абсолютно счастливого народа, отправляющегося загорать и радоваться жизни на жарком солнышке, я внезапно ощутил себя самым несчастным индивидуумом, единственным из всех отправляющимся в Софию непонятно для чего. Или как раз понятно, для какой такой глупости – чтобы самолично наблюдать церемонию бракосочетания любимой девушки. Надо смотреть правде в глаза: вряд ли я смогу помешать двум влюбленным узаконить их отношения.

С другой стороны, майор Лучников, нарушая все должностные инструкции, лично посоветовал мне драть когти подальше от Москвы из-за дурацкой истории с анонимкой. Только я задумался обо всех «за» и «против» моего отлета, как кто-то дружески хлопнул меня по плечу, и раздался до жути знакомый фальцет:

– Ален! Вот это да!

Я обернулся. Передо мной стоял шоколадный парень с выгоревшими до белизны клочками волос цвета школьного мела и ослепительно-голубыми глазами, радостно сверкающими от встречи со мной, бестолковым.

Можете представить, что я ощутил в те самые мгновения! Передо мной стоял мой садовник и друг Василий Щекин, только что вернувшийся из отпуска и заранее сообщивший мне дату своего прилета, а я в своем священном солипсизме и думать о том забыл! Уж слишком я был погружен в свои мысли о том, как сорвать свадьбу.

Между тем у нас с Васьком за годы совместного общежития в моем домике сложились простые человеческие традиции, и одна из них – готовить к возвращению друг друга какие-нибудь обалденные блюда. К примеру, когда я возвращался из поездки в Швейцарию, Васек приготовил для меня фондю, заочно переплюнув всех швейцарских коллег, а когда однажды он приехал из родной Саратовской губернии, я порадовал его наваристым борщом. И вот теперь Васек прилетел из Варны, счастливый и загорелый, надеясь по приезду отведать чего-нибудь вкусенького и поделиться рецептами болгарской кухни, а вместо того...

– ...Ты меня, что ли, приехал встречать?! Не ожидал, вот это сюрприз! Кажется, ты меня еще ни разу не встречал в аэропорту...

Он широко улыбался и возбужденно тряс мою руку в приветственном пожатии, а у меня словно язык присох к небу.

Наконец я откашлялся и произнес не совсем внятно:

– Извини... Васек, я улетаю.

Васек радостно расхохотался, ловко подхватывая свой объемистый чемодан и вскидывая на плечо не менее распухший рюкзак.

– Улетаешь? А меня за компанию не возьмешь?

Мне было невыносимо стыдно – как мог я, эгоист и зазнайка, напрочь забыть о возвращении Васька из отпуска! Потому, не глядя в его чистые васильковые глаза, я только похлопал славного парня по плечу и тут же рванул к окошку регистрации, бросив на прощание:

– Прости, Васек! Сейчас я вынужден бежать от полиции. Неприятная история, потом все расскажу!

И я смылся, дабы не видеть изумления и обиды на лице доброго товарища. Какие-то минуты – и я был уже в зоне free shop, бесцельно бродя мимо пестрых витрин, слушая возбужденную речь летнего жаркого народа со всего света. Вот тут, словно специально, чтобы отвлечь меня от переживаний по части моего поведения в глазах Васька, раздался очередной звонок майора Лучникова, вновь вернув меня к суровой прозе бытия с кражей века и чьими-то грубыми интригами по моей части.

– Приветствую тебя, Ален Жюльевич!

Одного этого обращения было достаточно, чтобы более-менее спокойно усмехнуться: приставка «гражданин» отсутствовала, и это было уже неплохо. Следует заметить, что Петр Иванович с первых же часов нашего знакомства просто обожал называть меня по имени-отчеству, несмотря на все мои попытки убедить его не делать этого. На взгляд майора, Ален Жюльевич звучит ничуть не хуже Степана Игнатьевича или любого другого имени.

– Вы не называете меня гражданином, стало быть, и арестовывать не торопитесь. Значит ли это, что случилось что-то еще?

Добрый человек беззаботно рассмеялся.

– Нет новостей – хорошая новость. Нет, ничего не случилось: ни новых анонимок, ни следов «Слезы небес», а звоню я тебе, мил-человек, чтобы успокоить твою душу. Во-первых, я только что от нашего шефа, который однозначно отреагировал на анонимку по твою честь. Он прочитал ее и крикнул: «Пудрят нам мозги». Так-то – можешь вздохнуть посвободнее. Ну а во-вторых... Помнишь, во время допросов ты очень настойчиво советовал мне проверить некоего переводчика, что совершенно неожиданно заменил вашего штатного сотрудника именно в день кражи?

– Ах, да, – я даже почесал затылок, припоминая – все это, казалось, было сто лет назад, в другой жизни. – И что – вы что-нибудь выяснили?

Петр Иванович крикнул.

– Мы выяснили, что Иннокентий Васильевич Зазнобин, который в тот день работал за переводчика, скорее всего, не имеет к нашей краже ровно никакого отношения. Мы не слишком нежно потрясли его за грудки, и парень сознался – буквально расплакался у нас на глазах. Оказывается, он учился во французском лицее в одном классе с одной девушкой, которая присутствовала и на вашей вечеринке, – Соней Дижон. Он был безответно в нее влюблен. В какой-то мере Кеша даже преследовал ее: по окончании школы и университета посещал все ее выставки, был там, где появлялась она. А тут прослышал о планируемой вечеринке в «Садах». Ваш переводчик – его однокурсник по МГУ, вот он и уговорил его на эту аферу – вроде как заболеть, а на подмену предложить его, Кешу. Уж больно он хотел полюбоваться на Соню. Вот только, боюсь, она его даже не заметила. Как ты думаешь – ведь ты с ней, кажется, знаком?

Я усмехнулся. Ну, конечно, очкарик-переводчик, как и я, заглядывался совсем на другой бриллиант – на Соню.

– Думаю, вы абсолютно правы – на той вечеринке Соня если кого и заметила, то уж точно не Кешу.

Майор радостно хихикнул.

– Наслышан, наслышан: у нее скоро свадьба, кажется, в Софии, с арабским миллиардером. Надеюсь, тебя это никак не задевает? В эту красавицу, похоже, все влюблены...

– Ничего, ничего, – хмыкнул я. – Я, представьте, как раз сейчас нахожусь в Шереметьеве – тоже отправляюсь в Софию.

– И тебя пригласили на свадьбу?

– Можно сказать и так.

Петр Иванович только усмехнулся:

– Стало быть, держать тебя под наблюдением – на всякий пожарный, как посоветовал нам шеф, – не удастся. Что ж, мил-человек, от всей души желаю тебе, как говорится, удачи и счастья в личной жизни.

Что ж, удачи и счастья я и сам себе желал. Оставалось совсем немного времени, каких-то несколько часов – и я шагну на священную землю Софии. Держись тогда, тезка болгарской столицы, красавица Соня!

Глава 10

Свеженький труп

Скажу откровенно, как на исповеди: все три часа полета я дрых без задних ног. Очевидно, сказала нервотрепка последних дней, не исключая шок от встречи с Васьком. Я попросту отключился от внешнего мира, откинувшись на спинку кресла лайнера и решительно шагнул в мир снов. И первый, кто меня там встретил, был галантный и обворожительный Старый Лис.

В измерении сна он сидел, небрежно закинув ногу на ногу, на самом обыкновенном пенъке, но с таким видом, словно находился как минимум в конференц-зале французского посольства в Москве.

Холоной ручкой с безупречным маникюром он опирался на трость из какого-то хитрого камня с ажурными разводами на рукоятке, а в его правом глазу блистал абсолютно невыносимый в реальности монокль.

– Привет, мой славный Ален, – любезно обратился он ко мне, небрежно кивая. – Куда путь держим?

Я горестно уставился на отца, ощущая себя рядом с ним убогим и сто лет не мытым, не чесанным.

– Куда глаза глядят, – отвечал я с ноткой обиды.

Старый Лис продолжительно и выразительно рассмеялся.

– И куда ж глядят твои глаза, родной мой?

В этот самый момент он вдруг стал поразительно похож на маму – высокую статную шатенку с серыми, чуть с грустинкой, глазами.

– И сам не знаю.

И тут же все переменялось: теперь я сидел рядом с мамой на удобном диванчике нашего домика в зеленой зоне Москвы с петушком на флюгере. Когда-то домик построил маме отец, и, признаться, сама мама не ожидала от него подобного широко жеста, потому как с самого начала они жили как кошка с собакой – лаясь да царапаясь по всякому поводу и без него.

Но дом был отстроен, как и оранжерея рядом с ним, а уж мама, трудясь, как пчелка, с утра до вечера, превратила всю территорию в настоящее зеленое царство со всевозможными деревьями и кустарниками. Здесь мы с Ольгой играли в индейцев, а по вечерам по очереди прибегали к маме на диванчик, чтобы выплакать перед ней все свои детские горести и обиды.

И вот, как в далеком славном детстве, мы вновь сидели с дорогой мамой на нашем «семейном» диванчике, и я с отчаянной яростью перечислял ей весь список своих претензий к Соне Дижон.

– Понимаешь, мам, Соня никогда меня не слушала. Вот и сейчас надумала играть свадьбу, а я этого не хочу, не хочу, не хочу!

Мама только улыбалась и покачивала головой.

– Ну и прекрасно, мой дорогой. Я всегда тебе говорила: желание – огромная сила, если ты хочешь чего-либо всем своим существом, это обязательно сбудется.

– Я не хочу этой свадьбы всем своим существом! – Мой голос звенел и вибрировал, срываясь от волнения. – Свадьбе с Мишей не бывать, потому что никто на свете не любит Соню так, как я. Свадьбе с Мишей не бывать – правильно я говорю?

Мама смотрела на меня серыми мудрыми глазами, улыбалась и поглаживала по головке, что-то еле слышно напевая.

Тут же откуда-то из-за ее спины вынырнул Старый Лис в махровом халате; он сладко зевнул и проговорил небрежно-светски:

– А не пора ли нам пора?..

С этой фразой, звонко звенящей в ушах, я и проснулся; в тот же самый момент самолет благополучно приземлился в Софийском аэропорту.

Болгария встретила меня ослепительным солнцем и широкими улыбками повсюду: я шел на выход, и весь встречный народ, казалось, был рад видеть милейшего Алена на болгарской земле.

Надо ли говорить, что я немедленно заразился этой улыбочивостью и, казалось, начисто позабыл обо всех изменах и неприятностях. В те мгновенья я был свято уверен, что не просто успешно расстрою свадьбу Миши и Сони, но и прекрасно отдохну, покрывшись бронзовым загаром не хуже Васька.

– Привет! – вдруг раздался за спиной жизнерадостный голос с легким акцентом. – Рад приветствовать вас на болгарской земле!

Я обернулся. Передо мной стоял, заразительно-радостно улыбаясь и протягивая мне руку для пожатия, худенький паренек, почти черный от загара, с ослепительно-голубыми глазами и почти белоснежными кудряшками до плеч.

Я поспешил сделать отстраняющий жест:

– Привет, парень, но я ни в чьих услугах не нуждаюсь, меня будут встречать.

Парень весело расхохотался и бойко потянулся рукой к моему чемодану.

– Так я вас и встречаю! По заданию комиссара полиции Стефана Петрова.

Последняя фраза, произнесенная на полтона ниже, невольно заставила меня едва ли не вздрогнуть.

– Полиция? А при чем здесь...

Тут до парня дошло, что первым делом ему стоило представиться и прояснить ситуацию, так что он охнул, хлопнул себя по лбу, затем сунул руку в нагрудный карман рубашки и наконец ткнул мне в лицо удостоверение инспектора уголовного розыска Софии Ивана Млнчева.

– Извиняюсь! Я должен был сразу вам представиться: Иван Млнчев, инспектор угрозыска. Встречать вас комиссар специально отправил меня, потому что я хорошо говорю по-русски – у меня мама русская. Вот я вас и встречаю. Идемте в мою тачку?

Потрясенный подобной встречей, я молча последовал за дивным полицейским. Первые минуты в моей голове царили обрывки мыслей: почему меня в Болгарии, куда я летел к доброй старой Пенке, вместо нее встречает полиция, да еще уголовный розыск? Что, в конце концов, здесь происходит?! Пенка всегда была образцово законопослушной, к кражам и убийствам слабости не имела, а тут – комиссары, инспекторы... Господи, прости меня и за все сразу! Как это она написала мне на Фейсбуке: «Тут такие проблемы...» Черт возьми, что же случилось?

В одно мгновение меня вдруг охватила отчаянная паника, я глубоко вздохнул и резко опустил руку на плечо инспектору, который, в свою очередь, от неожиданности едва не выронил мой чемодан.

– Послушайте, колитесь сразу: что случилось? Почему вместо Пенки меня встречает софийская полиция? С Пенкой все в порядке?

Иван облегченно перевел дух и вновь широко улыбнулся.

– «Колитесь» – это жаргон? – он рассмеялся. – Тогда колюсь! Так вот, все в порядке: ваша подруга жива и здорова, просто после всех этих нервных потрясений спит под легким наркозом.

Как хотите, но от подобного жизнерадостного ответа мне ни на грамм не стало легче. Я едва не взвыл:

– Какие еще нервные потрясения? Пенка спит под наркозом? Да что случилось, вы можете мне сказать?!!

– Конечно, могу, я же вам объясняю – у меня русская мама, потому комиссар и отправил именно меня вас встречать, – бедняга слегка испугался моей истерики, но изо всех сил старался сохранять улыбку на лице. – С Пенкой Петковой все в порядке, она просто немного устала от всех этих нервных потрясений с трупом.

Черт возьми, этот славный парень с очаровательной улыбкой кого угодно мог свести в могилу своими жизнерадостными репликами про наркоз, нервные потрясения и усталость от трупов.

– О господи, тут еще и труп до кучи! Объясните мне: что за трупы, из-за которых у Пенки нервное потрясение?!

Каюсь, в этот момент я не сдержался и схватил Ивана за грудки, пару раз как следует встряхнув, от чего он лишь испуганно выпучил на меня глаза и молниеносно выпалил в ответ:

– Извините, но труп только один, совсем свеженький. А у Петковой нервный срыв, потому что утром она обнаружила этот труп в своем саду.

Все было просто замечательно: я прилетел в солнечную Болгарию, чтобы расстроить свадьбу возлюбленной, и с первых же шагов меня встречали улыбающийся полицейский и свеженький труп в саду старой подруги. Мне только и оставалось, что отпустить белоснежную рубаху полицейского, благодарно ему улыбнуться и, усевшись в полицейский автомобиль, отправиться в гости к Пенке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.